

СТИХИ ЧИТАТЕЛЕЙ «ВАСИЛИЯ ТЕРКИНА»

Предисловие и публикация Ю. Г. Буртина

Уже при первом своем появлении в свет в виде отдельных глав, печатавшихся в армейских газетах и журналах, «Василий Теркин» А. Твардовского получил широчайший отклик в читательской массе. Одной из самых любимых и знаемых народом книг остается он и по сию пору. Помимо основного своего доброго влияния на умы и сердца, «Теркин» оказал на многих читателей воздействие, которого, очевидно, никак не ожидал и сам автор: он пробудил в них стремление к собственному поэтическому творчеству. В потоке писем, которые получил и продолжает получать поэт от читателей, значительное место заняли стихотворные послания, подражания, попытки «продолжить» поэму — частью рукописные, частью печатавшиеся в стенгазетах и многотиражках. Число произведений, входящих в эту народно-поэтическую «теркиньяну», исчисляется сотнями, а общий ее объем во много раз превышает объем самой «Книги про бойца».

О существовании таких стихотворных откликов широкий читатель узнал в 1951 г., когда была впервые опубликована статья Твардовского «Как был написан „Василий Теркин“ (Ответ читателям)», дополненная в 1962 г. рядом новых интересных сведений¹. В этой статье были упомянуты и приведены в отрывках стихи некоторых из читателей поэмы, названы основные мотивы и жанры этих произведений, определен их полуфольклорный характер и их отношение к «Книге про бойца».

Будучи удивительным и, может быть, даже единственным в своем роде фактом в истории литературы, читательская «теркиньяна» служит вместе с тем доказательством роста нашей культуры, невиданно интенсивного распространения ее вширь, резкого повышения роли литературы в жизни масс.

Читатель «Теркина» — народ. Среди авторов стихотворных посланий Твардовскому мы находим художника и прораба, авиационного механика и лифтера, старого большевика и комсомольца-целинника, лесоруба с Карпат, рыбака из Мурманска и пожарного из Сибири; в большинстве своем это рабочие, колхозники и — особенно часто — солдаты и офицеры Советской Армии. При этом стихи читателей «Теркина» знаменуют собой именно то состояние нашей культуры, которое характерно для 40—60-х годов. Появись подобная книга лет на 30 раньше, например, в годы гражданской войны, — всей этой массы стихотворных откликов просто не могло быть. Появись она на 30 лет позднее, — культурный уровень авторов таких откликов не был бы, очевидно, столь различен, как ныне: от малограмотности до свободного владения современной поэтической формой.

Стихи читателей во многих отношениях интересны для историка литературы. Начать с того, что в них непосредственно выражена оценка, которую дали поэме Твардовского те, для кого он и писал ее, — современники поэта. «Ваша повесть — просто клад» (В. А. Литаврин), «мне она всех книг дороже...» (И. Н. Портнов), «поэма милая» (Т. В. Ковалева), «славный труд» (В. А. Алексеев) — вот некоторые из огромного числа единодушно высоких оценок «Книги про бойца» в стихах читателей.

В изобилии находим мы здесь свидетельства редкостной популярности книги, ее особой судьбы. Она идет с бойцами по дорогам войны — в планшетке командира

(В. А. Алексеев) и в походном мешке солдата (А. Демидов). Ее находят рядом с убитым красноармейцем (А. Зуев), ее дарят другу-однополчанину (В. Польшцев), ею «делятся, как ложкой фронтовой» (Г. Н. Фролов). Ее перечитывают многократно: «Поэму вашу три раза подряд я перечитывал от корки и до корки» (В. Сапиженко), «Раз пять с начала до конца поэму вашу прочитал» (В. Бесперстов), «Вашу книгу мы до корки прочитали в сотый раз» (Е. Чумаков) и т. д. Ее знают наизусть и передают изустно. В окопах и на привале, в армейской столовой и на полигоне после стрельб ее читают коллективно, для всех, и стихотворные послания к автору пипутся нередко «от целой роты» (Ж. Ягулов), «по поручению солдат» (Г. Н. Фролов), «по поручению коллектива» (А. Е. Морковкин). Множество раз высказывается в стихотворной почте Твардовского утверждение, что его поэму «знают все, вся страна родная» (В. И. Михайлов). И хотя, строго говоря, в таких заявлениях есть некоторое преувеличение, факт исключительно широкой известности «Книги про бойца» передается ими вполне точно.

Чем же пришлась по душе читателям поэма Твардовского?

С неизменным одобрением отмечают они простоту поэтической формы «Василия Теркина». «Книга самая простая» — так характеризует поэму В. А. Алексеев. «За простой язык родной» подружился с ее героем А. Зуев. «Сочный стих, простой, свободный» приводит в восхищении И. Н. Портнова.

Надо заметить, что простота стиха и стиля поэмы не мыслится ее читателями как самодовлеющее достоинство. «Книга про бойца» ценна для них именно тем, что она просто говорит о самом главном и подчас весьма сложном в жизни и характере народа. «Чтоб, как вы, простым словом так много сказать, / так волнующе, сильно и строго, / так увидеть, познать, передать, / — такой дар, верно, дан лишь немногим», — пишет И. Долина. В ином выражении эту мысль высказывают и другие авторы.

Правда. Это слово повторяется в стихотворных посланиях поэту, кажется, еще чаще, нежели слово «простота». Читатели Теркина высоко ценят ту достоверность и точность, с которой описана в нем жизнь народа на войне. «Кто же жизнь солдата знает так, как вы? — Нет никого», — пишет Ж. Ягулов. «Знатоком» армейской жизни называют Твардовского гвардии капитаны Махов и Баста. «Твардовский, ты для нас солдат!..» — восклицает В. Горельчиков. «Чистой правдой про бойца» привлекает поэма бывшего фронтовика Д. П. Ротая. И речь идет тут, конечно, не только об умении верно передать живые подробности солдатского быта, но обо всей той большой, мужественной правде, которую несет в себе книга. Авторы некоторых посланий прямо противопоставляют ее произведениям, лающим облегченное изображение действительности: «Что мне книги те, в которых / больше сказочных прикрас. / Мне один, быть может, дорог / твоей про Теркина рассказ» (А. Демидов).

Читательские оценки «Книги про бойца» со всей очевидностью показывают, как чуток наш читатель к правде, как безошибочно отличает он ее от того, что порой лишь «условливаются» считать правдой, и с какой благодарностью откликается он на подлинную правду в искусстве.

Особой симпатией у читателей пользуется главный герой поэмы Твардовского. Его не только уважают, не только видят в нем пример для подражания («Это очень честь большая — / быть похожим на него», — пишет, например, М. Редько), — отношение к Теркину по-особому тепло и интимно. «Полюбил тебя, героя, / как родного земляка», — рассказывает А. Зуев. «Подружились крепко, вечно, / стал ты сразу мне родным», — вторит ему И. М. Гицдин. «Миллионам полюбился крепко Теркин — / Родины веселый рядовой», — пишет Г. А. Григорова. Сколько таких признаний рассыпано по страницам стихов, написанных читателями! «Родной товарищ» (М. Шаманина), «наш товарищ боевой» (Д. Д. Балнов), «друг, товарищ, старший брат» (М. Редько), «наш старый верный друг» (Е. Леднев), «друг душевный» (В. А. Стельмахович), «друг сердечный» (Н. П. Сазонов), «друг большой» (В. Минеров), «милый друг» (И. Олифиренко), «наш родной дружок» (В. А. Литаврин), «любимый брат» (Д. Денисюк), «для солдата — брат родной» (Ю. Н. Моряттов), «милый наш герой» (И. Ганабин), «наш любимейший герой» (В. Грузман) — так именуется Теркин в стихотворных читательских откликах.

Много интересных соображений высказывается здесь и о характере Теркина, а в особенности — о достоинствах и значении его образа, об его индивидуальности и типич-

А. Т. ТВАРДОВСКИЙ БЕСЕДУЕТ СО СНАЙПЕРАМИ

Справа — старшина Алексей Русаков, в центре — ст. сержант Джуман Эсеркиев

Фотография Н. А. Баканова. 3 Белорусский фронт, 9 июля 1944 г.

Собрание Н. А. Баканова, Москва

ности. Жизненная убедительность образа оказалась такова, что многие из авторов твердо уверены: Теркин — конкретное лицо, пусть «описанное» в поэме, но существующее и независимо от нее. Это распространенное мнение удачно сформулировал В. Запашный: «И, конечно же, не кстати /объяснения для них, /что не видел и писатель/ Ваську Теркина в живых, /что такого не бывало, /что типичный он герой... /До того им дела мало — /он не книжный, а живой!» Именно искренним убеждением в «реальности» Теркина продиктованы те многочисленные вопросы Твардовскому относительно сегодняшней судьбы его героя (по крайней мере — большая часть из них), которые составляют содержание десятков адресованных ему стихотворных посланий².

С другой стороны, очень многие из авторов таких посланий подчеркивают как раз тот факт, что «типичный он герой». Современники поэта ощущают свое внутреннее родство с Теркиным. В их стихах мы находим на этот счет весьма определенные заявления: «Я Теркин, хоть пишуь Попов»; «Теркин, Теркин!.. Это имя стало именем моим...» (А. Демидов); «... И выходит: чем-то, как-то я на Теркина похож» (М. Редько); «Каждый чувствовал частицу Васи Теркина в себе» (В. А. Алексеев) и др. Хочется привести и такое замечание о Теркине: «Возраст для него не скажешь, /вот запинка нам опять: может, годиков под двадцать, /может быть — под сорок пять» (И. Трофимчук). Как нам представляется, здесь верно нащупываются те особенности типизации, которые свойственны «Книге про бойца», — присущая ей, по выражению автора, «фронтовая всеобщность содержания».

Выразительно определяют читатели исключительную масштабность и емкость образа Теркина, вобравшего в себя решающие черты русского национального характера. В такой глубине и масштабности они видят залог «долголетия» героя. «Теркин с нами, он — народ» (В. Бесперстов); «Твой Теркин бессмертный! Ты в нем воплотил всю Русь необъятную» (Беловодов); «Теркин вечен, как Россия!» (Н. Богданов) — вот лишь малая часть высказываний такого рода в стихах читателей поэмы.

Множество раз повторяется в стихотворных откликах, становясь одним из главных их мотивов, мысль о том, что своей поэмой поэт удовлетворил в годы войны насущную потребность огромной массы людей, помог им выстоять и разгромить врага. Адресуя слова благодарности то к автору, то к герою, они говорят: «Мало знают, сколько Тер-

кин помогал нам на войне» (Д. П. Ротай); «С Васей мы не унывали, / не скучали никогда» (С. Хмурый); «Шли мы в даль и жили словом: / „Перетерпим, перетрем!“» (А. Демидов); «Своей шуткой, своим словом / помогал солдату жить. / И с тобой нам, спору нету, / было легче немцев бить» (В. А. Стельмахович); «Песня ваша к сердцу шла / струей желанного тепла» (А. Вересова)... Трудно усомниться в ценности такого рода непосредственных свидетельств действенной, гуманистической роли подлинного искусства в жизни народа.

Знаменательно, что в послевоенные годы, когда поэт получил от читателей «Теркина» массу просьб и пожеланий продолжить поэму, показав героя в условиях мирного времени, они обычно аргументировались «нужностью» подобной книги: «Еще нам жизнь порой трудна, нам песня ваша так нужна» (А. Вересова); «Помочь ты должен нам, поэт, как во времена военных лет» (подпись — «Почитатель»); «Теркин нужен нам вот так!» (Ж. Ягупов); «В эти дни, поверь ты мне, нужен ты, как на войне» (В. Динабургский). Число таких выписок легко умножить.

В статье «Как был написан „Василий Теркин“» Твардовский изложил свой взгляд на «продолжение» книги, решительно от него отказавшись: «Я отвечал и отвечаю моим корреспондентам, что „Теркин“ — книга, родившаяся в особой, неповторимой атмосфере военных лет и что, завершенная в этом своем особом качестве, книга не может быть продолжена на ином материале, требующем иного героя, иных мотивов»³. Что касается поэмы «Теркин на том свете», то это вещь совсем иного, сатирического задания, и она, конечно, ни в какой мере не является продолжением «Книги про бойца». Теркин здесь, по сути дела, служебный персонаж, помогающий читателю со всей силой ощутить, сколь тяжело живой человеческой душе в мертвом царстве казенщины и бюрократизма. Уместно вспомнить в этой связи следующие строки из только что цитированной статьи поэта: «Правда, история литературы знает примеры „использования готовых образов“, как это мы встречаем, например, у Салтыкова-Щедрина, переносившего грибоедовского Молчалина или гоголевского Ноздрева в условия иной действительности — из первой во вторую половину XIX века. Но это оправдывалось особыми задачами сатирико-публицистического жанра, не столь озабоченного, так сказать, вторичной полнокровной жизнью этих образов как таковых, а использующего их характеристические, привычные для читателя черты в применении к иному материалу и в иных целях...»⁴ В новой поэме Твардовского Теркин используется именно так.

Но если сам автор отказался продолжить «Книгу про бойца», то для некоторых читателей его отказ послужил, очевидно, лишь дополнительным стимулом к их собственному творчеству в этом роде. Как уже говорилось, и до и после появления названной статьи, начиная с 1943 г. и по сию пору, во множестве создаются подражания «Теркину». Иногда это сравнительно небольшие произведения, иногда же — многостраничные поэмы с развернутым сюжетом. Обычно героем их является Василий Теркин, и действие их начинается с того момента, когда оставил его Твардовский. В других случаях подражание не принимает форму прямого «продолжения» книги; герой там — сын Василия, унаследовавший все качества отца, или человек теркинского характера под какой-либо иной фамилией. Рабочий большого завода, техник на строительстве Волго-Донского канала, инженер МТС, председатель колхоза, директор совхоза, агроном, моряк, шофер, пожарник, солдат, курсант — вот далеко не полный перечень тех профессий и положений, в которые ставят послевоенного Теркина читатели поэмы. И то, что оказывается возможным представить его в столь различных сферах мирной жизни, и само желание каждого из авторов видеть любимого героя рядом с собой, видеть его своим земляком или товарищем по профессии, — служит лишним доказательством удивительной «общечеловечности» и современности «Книги про бойца».

Опубликование в 1963 г. поэмы «Теркин на том свете» также принесло автору чрезвычайно обширную стихотворную почву, вызвало множество новых подражаний «старому» и «новому» «Теркину». Ощущая своеобразие сатирической поэмы Твардовского, читатели вместе с тем обычно не противопоставляют ее «Книге про бойца». Подчас даже трудно бывает установить, какой — «старый» или «новый» — «Теркин» в большей

степени вызвал к жизни то или иное подражание. Дело тут, на наш взгляд, не только в единстве главного героя, не только в сохранении стиха и стиля: при всем различии содержания этих произведений многие читатели сознают их общую народную, гуманистическую и жизнеутверждающую основу.

В стихотворных посланиях читателей «Теркина» встречаются также интересные суждения о других произведениях Твардовского и оценки его творчества в целом. Как «Книгу про бойца», так и другие произведения Твардовского его корреспонденты ценят за то, что в них «строчка каждая своею правдой хороша» (В. Горельчиков), за то, что сочетаются в них «глубина и простота» (С. Муравей), за то, что поэт неизменно остается «первым другом», «сопутником» и «певцом» (А. Демидов) рядового человека, простого труженика мира и войны.

Следует сказать и о том, что стихи читателей «Теркина» представляют собой нередко весьма любопытные человеческие документы, оживляющие важные страницы нашей истории. Лишения и тяготы войны, счастье великой победы, нелегкая жизнь в послевоенной деревне, энтузиазм покорителей целины и т. п. предстают в них с достоверностью непосредственного, бесхитростного свидетельства.

Художественный уровень произведений, входящих в «теркиниану», конечно, различен. Есть среди них и весьма слабые, написанные часто «людьми, впервые пробуящими свои силы в подобном деле» (Твардовский⁵). Некоторые из авторов прямо сообщают об этом: «Сроду не был я поэтом» (А. Зув); «С грамматикой я не в ладу и с технической стихосложением...» (Н. П. Сазонов) и т. д. Взвзвись за перо под обаянием «Книги про бойца», читатели в большинстве своем сознательно или бессознательно воспроизводят стиль и ритмику «оригинала»: большая часть стихов написана «теркинскими» размерами — четырехстопным хореем с перекрестной женской и мужской рифмовкой и четырех-трехстопным хореем с перекрестной же мужской и женской рифмовкой. В некоторых случаях заметны следы и других литературных влияний ((Пушкин, Кольцов, Исаковский). Есть среди стихов «теркинианы» и произведения, написанные почти профессионально, способные вызвать не только исследовательский, но и чисто читательский интерес.

В предлагаемой публикации представлено — обычно в отрывках или в сокращении, порой весьма значительном — несколько десятков произведений читателей «Теркина». Публикация состоит из трех разделов:

в первом помещены произведения, в которых по преимуществу выражается отношение к «Книге про бойца», ее герою и автору;

во втором — произведения, содержащие вопросы и пожелания поэту и его герою;

в третьем — «продолжения» поэмы Твардовского и подражания ей.

Публикуемые материалы хранятся в личном архиве А. Т. Твардовского и представлены им редакции «Литературного наследства».

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ См. в книге: А. Т в а р д о в с к и й. Статьи и заметки о литературе. Издание второе, дополненное. М., «Сов. писатель», 1963, стр. 113—174. Многие читательские отклики приводятся также в книге П. Выходцева «Александр Твардовский». М., «Сов. писатель», 1958, стр. 274—298.

² Этой части читателей поэт должен был специально разъяснить, что «Василий Теркин (...) — лицо вымышленное от начала до конца, плод воображения, создание фантазии. И хотя черты, выраженные в нем, были наблюдаемы мною у многих живых людей, — нельзя ни одного из этих людей назвать прототипом Теркина» (А. Т в а р д о в с к и й. Статьи и заметки о литературе, стр. 115).

³ Там же, стр. 162.

⁴ Там же, стр. 164.

⁵ Там же, стр. 156.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

1

М. ШАМАНИНА. К ВАСИЛИЮ ТЕРКИНУ

Обращаясь к Теркину, М. Шаманина просит его открыть секрет, в какой дивизии он сражается, не в той ли, где воюет она сама:

Ведь читали мы недавно,—
Сообщил Твардовский нам,—
Где ты был, сражался славно
По знакомым нам местам.

Как и ты, в Угре купались,
По земле смоленской шли.
Как и ты, за Ельню дрались —
Путь один с тобой прошли.

⟨ ⟩
Ведь пойми, Василий, друже,
Как-то легче воевать,
Зная, что как есть ты нужен.
А погибнешь... Вспоминать

О тебе, хотя б читая,
Будут долго на земле.
Пусть и имя не узнают,
Ну а все же веселей

На душе от мысли этой:
Я погибну — Теркин жив.
Он сумеет, он ответит
За товарищей своих.

А таких, как Теркин, мало
Разве в армии у нас?
Разве мало воевало
И сражается сейчас?

Сквозь огни боев, пожаров,
Кто не пустит их? Идут!
И не зря о них, товарищ,
Песни пишут и поют...

⟨ ⟩

И дойдем, ребята, знаю,
До победного конца,
Пронесем сражений знамя,
Вытрем пот платком с лица.

Да — платком! Не как обычно —
Гимнастерки рукавом...

⟨ ⟩

Будут песни, будут пляски,
Будет радость, будет мир!
Неужели, друже, Вася,
Без тебя тот будет пир?

Неужели, Теркин, разве
Ты с дивизией другой
Будешь праздновать тот праздник
Долгожданный, дорогой?

Только верю я, признаться,
Вместе с Теркиным, друзья,
Праздник мы отметим, братцы.
Как же иначе? Нельзя!

1944 г. Полевая почта 20629

2

МЛАДШИЙ СЕРЖАНТ АЛЕКСАНДР ДЕМИДОВ.
А. ТВАРДОВСКОМУ

По-простому, по-солдатски
Разрешить тебе, поэт,
Передать горячий, братский
Свой признательный привет.

⟨ ⟩

Тем я рад, что первым другом
И моим певцом со мной
Шел за трактором и плугом
Ты, певец страны родной.

А. Твардовский

★

**Василий
ТЕРКИН**

Книга
про
бойца

★

Издательство
ЦК ВЛКСМ
«Молодая
Гвардия»
1942

«ВАСИЛИЙ ТЕРКИН»

Первое отдельное издание поэмы А. Т. Твардовского. М., «Молодая гвардия», 1942

Титульный лист и фронтиспис по рисунку Б. А. Дехтерева

Был я... Просто был рабочим,
А пришла война — и в бой
Я пошел, и, между прочим,
Не один, — опять с тобой.

< >

Даже, если бы спросили,
Смех и шутку не тая:
— Кто, мол, Теркин тот Василий?
Я б ответил: — это я.

Может так и в самом деле:
Мы сыны одной земли,
У одних костров сидели,
По одним дорогам шли.

< >

Так, идя с солдатом в ногу
По дорогам бурь и бед,
Много раз ты, много-много
Выручал меня, поэт.

Что мне книги те, в которых
Больше сказочных прикрас,
Мне один, быть может, дорог
Твой про Теркина рассказ.

3

Н. КОКИН. АЛЕКСАНДРУ ТВАРДОВСКОМУ

Всё читаем без конца,
Наслаждаясь вдосталь,
Вашу «Книгу про бойца»,
Александр Твардовский.

Часто на аэродром
Выйдем на полеты,
С Васей Теркиным идем
Чистить пулеметы.
< >

А вечернею порой
Вновь прочтем до корки...
Настоящий был герой
Ваш Василий Теркин.

< >
Васю знают старики,
Распевают дети,
Чьи года невелики,
Возраст чей в расцвете.
< >

Каждый хочет из солдат
Быть таким, как Теркин...
Жаль картона Мосиздат
Пожалел на корки.

1947 г.

4

АЛЕКСАНДР ЗУЕВ. АЛЕКСАНДРУ ТРИФОНОВИЧУ

В начале своего послания автор рассказывает о том, как услышал он впервые о Теркине на Ленинградском фронте и как однажды, будучи загнан «сабантуем» в воронку от бомбы или снаряда, нашел там рядом с убитым солдатом книгу Твардовского.

С той поры, Василий Теркин,
Подружился я с тобой.
Подружил за поговорки,
За простой язык родной.
< >
Я читал тебя ребятам
На привале у костра,
И читала по палатам
Госпитальная сестра.

И признаться не скрывая,—
По душе пришелся всем:
Люди, даже умирая,
Знали, помнили о нем.
< >
Он живет со мной поныне,
В книжной полке — первый ряд,
Сказ, как дрался он, Василий.
Сказ, как дрался я — солдат.

1948 г.

5

В. А. АЛЕКСЕЕВ, ПИСЬМО ТВАРДОВСКОМУ

Дорогой поэт Твардовский!
Только что закончил я
Перечитывать вторично
Вашу «Книгу про бойца».

Книгу самую простую,
Влившуюся нам в сердца.
Начатую с середины,
Конченную без конца.

Да, стихи, и всё понятно,
Всё на русском языке;
Я читаю, и приятно
Книгу мне держать в руке.
< >

Победителем вернулся
Я на родину, но дом,
Что был выстроен под Брянском,
Немцами в войну сожжен.

БОЙЦЫ СЛУШАЮТ ПОЭМУ
А. Т. ТВАРДОВСКОГО «ВАСИЛИЙ
ТЕРКИН»

Фотография, 1943
Музей Революции СССР, Москва

Партизан-отец — расстрелян,
Смерть принял не дрогнув он,
Знал, что армия родная
Вновь очистит горизонт.

Я, заканчивая чтение
Вашей книги про бойца,
Вспоминаю с сожаленьем
Мной любимого отца.

«Павших памяти священной,
Всем друзьям поры военной»
Посвящен ваш славный труд.
Труд века тот не сотрут.

Вот прошло уже три года,
Как окончена война.
Книгу в руки взял я снова,
И как будто бы она
Возродила, воскресила
Забутые имена.

Вместе с кем в снегу лежали,
С кем в атаку вместе шли,
С кем, бывало, на привале
Мы делили сухари.

< >

Нас всегда сопровождала,
Бодрый дух в сердца вселяла
Ваша «Книга про бойца»,
Как вы сами говорите,
Без начала, без конца.

Я носил в планшетке главы
«Васи Теркина». Герой
Был всегда желанным гостем
На привалах, и порой

Говорили: — Где же Теркин? —
Заскучавшие бойцы.
— Что же, ты, поэт, не пишешь?
Иль погиб где-либо ты?

Далее В. А. Алексеев рассказывает о том, что работает в Подмосковье на строительстве коксогазового завода, приглашает поэта посетить это строительство.

1948 г.

6

ВЛАДИМИР САПИЖЕНКО. АЛЕКСАНДРУ ТВАРДОВСКОМУ

〈 〉

Библиотекарь, отставной солдат,
 Мне как-то предложил: «Василий Теркин».
 Поэму вашу три раза подряд
 Я перечитывал от корки и до корки.

С тех пор прошло три года, и сейчас
 Я каждый стих с любовью ваш читаю,
 Поэтом лучшим современным вас
 Я как читатель рядовой считаю.

Спасибо вам за простоту стихов,
 За образ русского богатыря-солдата,
 За простоту и звучность ваших слов,
 За все, чем ваша лирика богата.

1950 г.

7

МИХАИЛ КРЫШКИН. В ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР

Небо чисто вокруг,
 Путь свободен луне.
 Яркие звезды горят
 В голубой вышине.

За рекою гармонь
 На гулянье зовет,
 О горячей любви
 Бесконечно поет.

За накрытым столом
 Лена в хате сидит,
 Перед ней на столе
 «Вася Теркин» раскрыт.

Не зови, ты, гармонь,
 Не пойду все равно!
 Эту книгу прочесть
 Мне хотелось давно.

Сколько мужества в ней,
 Силы, воли стальной.
 Даже смерть победил
 Вася Теркин герой!

Если б в годы войны
 Я большою была,—
 Непременно на фронт
 В санитарки ушла.

И отчизну любя,
 Как себя или мать,
 Я солдатам своим
 Стала б жизни спасать.

И водой в жаркий час
 Я поила бы их,
 И любила бы всех
 Словно братьев родных,

Словно милую жизнь,
 Словно счастье мое...
 А гармонь за рекой
 Продолжала свое.

Не зови ты, гармонь,
 Не пойду все равно:
 Эту книгу прочесть
 Мне хотелось давно.

1950 г.

8

И. Н. ПОРТНОВ. КНИГА — ЗНАМЯ

Много дней прошло, как вышла
 Эта книга про бойца...
 Повторяться, может, лишне,
 Как зажгла она сердца...

Я пишу не для печати:
 До поэта не дорос,
 Говорю не «славы ради» —
 Говорю друзьям всерьез:

Пусть простой ты или знатный —
 «Теркина» читай всегда;
 «Вот стихи, а все понятно»
 И не скучно никогда.

Сколько раз я их читаю —
 Вдохновение одно.
 Наизусть поэму знаю...
 Теркин! Где ты, мой родной?

ГАРМОНЬ

— Вот беда: во всей колонне
Завалищей нет гармони,
А мороз — ни стать, ни сесть!

Снял перчатки, трет ладони,
Самшит вдруг:
— Гармонь-то есть...

Умяная снег зернистый,
Вперемешку — пляс не пляс —
Возле танка два танкиста
Греют ноги прозапас.

— У кого гармонь, ребята?
— Да они-то здесь, браток... —

30

«ФРОНТОВЫЕ СТИХИ»

Сборник военных стихотворений А. Т. Твардовского. М., Детиздат, 1941

Обложка и страница со стихотворением «Гармонь». Рисунки Н. А. Шишловского

Стихотворение «Гармонь» впоследствии вошло в одноименную главу поэмы «Василий Теркин»

Ты — везде. И я уверен:
Будешь жить в веках, герой...
Вот, к примеру, сын Валерий —
Он живет уже с тобой.

< >

Дед Мирон — чабан известный, —
Хоть ушли уже года,
Зная эту книгу-песню,
Всем советует всегда:
«Не гляди, что на груди,
А гляди, что впереди».

Далее автор желает Теркину занять подобающее ему место на трудовом фронте.

Хоть выходит стих обширный,
А скажу, мой брат и друг,
Чтобы ты на стройках мирных
«Был там вроде политрук»...

Возвращаясь к оценке «Книги про бойца», И. Н. Портнов пишет:

И не мне судить, конечно, —
Я читатель рядовой, —
О ее живой и вечной
Славе, может, боевой.

«Боевой» — сказал не просто,
В смысл ее не каждый вник:
По объему и по росту
Эта книга — тыща книг.

А словам, читайте, тесно,
Мыслям здесь — простор большой.
В ряд легли слова прелестно,
Даже как-то все чудесно —
Получились гимн и песня —
Хоть бери подряд и пой.

1952 г.

А раздолье! А народность!
Просто с Теркиным живешь.
Сочный стих, простой, свободный,
Музыкальный, многородный,
Стих наш русский тот природный...
Разве все тут перечтешь!

9

В. ЗАПАШНЫЙ. СОЛДАТЫ «ТЕРКИНА» ЧИТАЮТ

Видел я, как на рассвете,
Лишь затих недалний «бой»,
Примостился на лафете
Установщик молодой.
Вытер пот платком расшитым
Он с усталого лица.
— Что ж, продолжить разрешите?
Прочитаем про бойца...
< >
Установщик вынул томик
Из походного мешка.

Уважаемый, знакомый
Будто к ним издалека
Прибыл в гости храбрый Теркин,
Что не книжный, а живой,
В полинялой гимнастерке
И с медалью боевой.
Будто рядом он садится
На лафете в круг солдат.

...Лишь страница за страницей
Осторожно шелестят.

Один из солдат предлагает здесь же, на учениях, написать письмо Теркину, и тут между солдатами завязывается спор, так как одному известен Теркин-агроном, другому — «прославленный шофер», третьему — старшина-сверхсрочник.

Не наплюса безучастных,
Все о Теркине твердят.
И, конечно, все согласны,
Что он жив теперь, солдат.
Может быть, он на Алтае
Со своим грузовиком,
Может, службу продолжает,
Может быть, и агроном...

1955 г.

(И, конечно же, нехстати
Объяснения для них,
Что не видел и писатель
Васю Теркина в живых,
Что такого не бывало,
Что типичный он герой...
До того им дела мало —
Он не книжный, а живой!)

10

С. МУРАВЕЙ. ЗАМЕТКИ О ПОЭТЕ А. ТВАРДОВСКОМ

Заметки представляют собой стихотворный комментарий их автора к отдельным цитируемым им строфам «Василия Теркина».

«Берег левый, берег правый,
Снег шершавый, кромка льда.
Кому память, кому слава,
Кому темная вода».

Тут озноб пошел по коже:
Правда сильно велика!
Всё: и смерть и жизнь похожи,
Как же истина горька!

1962 г. Ярославль

«Если есть в бою удача,
То в исходе все подряд
С похвалой весьма горячей
Друг о друге говорят».

Как все верно и правдиво.
Кратко, точно! Молодец!
Психология на диво —
Хоть начало, хоть конец!

11

Р. КОГАН. (ОТРЫВОК ИЗ НЕЗАКОНЧЕННОЙ ПОЭМЫ)

Я, конечно, не Твардовский.
 Никаких сравнений нет.
 Он известный, он московский
 Популярнейший поэт.
 Он Некрасову под стать
 И никак не менее,
 Я же автор, так сказать
 Местного значения...

Теркин с нами шел сквозь годы.
 Стал любим и знаменит.
 Не Твардовскому — народу
 Он уже принадлежит.
 Вел себя в бою прекрасно,
 Смело парень воевал,

В переделках был опасных,
 В преисподней побывал.
 И на том, не нашем свете
 Был почти что мертвецом,
 Но (приятны строки эти)
 Не ударил в грязь лицом.

Я героя уважаю
 Все сильнее с каждым днем..
 И, естественно, желаю
 Продолжать рассказ о нем..
 Я так мечта такую:
 Не напрасен этот труд.
 Коль газеты забракуют,
 Так товарищи прочтут.

1964 г. Солецкий район, Новгородской области

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

1

Т. В. КОВАЛЕВА. СОВЕТСКИЕ ЖЕНЩИНЫ НА ФРОНТЕ

Автор пишет о русских женщинах на войне и, вспоминая пушкинскую Татьяну, советует Твардовскому ввести в «Книгу про бойца» образ той,

Что с Теркиным в бою идет,
 Как меткий снайпер немца бьет,
 Под грохот боя перевязет,
 В траншеи раненых снесет,
 А если ранена? Так что ж,
 До свадьбы, видно, заживет!
 < >

Гордись, страна моя родная,
 Смотри, победный близок день,
 Себе достойных воспитала
 Ты сыночек и дочерей.
 С Василием мы подружились
 И тоже шлем ему привет,
 И от Твардовского скорей
 Мы ждем Татьяну наших дней.

1944 г. Полевая почта 24682-М

2

ЕФРЕЙТОР М. ЗУЕВ. ГДЕ ТЕРКИН?

На привале шутки, толки,
 И кто-то сказал:
 — Где же наш Василий Теркин,
 Где он запропал?
 < >
 Внесил в часы досуга,
 Помогал в беде.
 Потерять такого друга...
 Где ты, Вася, где?

Может быть, ушел в разведку,
 Потому молчишь,
 И с присущей тебе сметкой
 Немчурю громишь?

Верим, снова будет Теркин
 С нами, как всегда.
 Без него не та махорка
 И не та вода.

1944 г. Полевая почта 07106-Щ

3

ЕВГЕНИЙ ЛЕДНЕВ. ВАСИЛИЮ ТЕРКИНУ

И снова дымом горьким
Окутан лес и луг.
Где ты, Василий Теркин,
Наш старый верный друг?

Давай-ка к нам скорее,
Уж за спиной Амур,
А впереди Корея,
Далекий Порт-Артур.

По собственному имени
Грустит Манчжоу-Го.
Повторим же былые дни —
Хасан и Халхин-Гол.

Но это будет хлеще —
Сегодня — не вчера.
«Котлы», «мешки» и «клещи»
Узнает самурай.

< >

Как будто штурмы, схватки
Знакомы с малых лет,
Но вот тебя с двухрядкой
Сегодня с нами нет.

Кто без тебя в походах
Развеселит ребят?
Какой же будет отдых,
Василий, без тебя?

< >
Как друга, русской горькой
Мы встретим — будь не плох!
И модной поговоркой:
Василь! Японский бог!

И если щи понравятся,
Добавим в котелок.
Какая, Вася, разница
Нам — Запад иль Восток!

И фронтовой махорки
Еще разок с тобой,
Василий, Вася Теркин,
Закурим по одной!

1945 г. Полевая почта 36160

4

СТАРШИНА ВАС. ШЕХОВЕЦ. ПИСЬМО ТВАРДОВСКОМУ

В письме, написанном от имени «бойцов гвардейской части», автор интересуется судьбой любимого ими героя.

Всю войну о нем мечтали,
Полюбив, как никого,
Но опять не повстречали...
Да вы знаете его!

Успевал везде он биться,
Он на всех фронтах бывал.
И вообще, как говорится,
Он на славу воевал.

Знали мы, что смелый, зоркий
(Из газет и от ребят)
Этот самый Васька Теркин,
Замечательный солдат.

< >

Мы вас просим: напишите
Нам письмо в гвардейский взвод,
Где он, Теркин, расскажите,—
Сомневается народ.

Ну, пока. Писать кончаем.
С нетерпеньем ждем ответ,
Много счастья вам желаем
И от сердца посылаем
Вам гвардейский наш привет!

1946 г. Полевая почта 28412-М

5

ИВАН ГИНАБИН. «ГДЕ ТЫ, ТЕРКИН?»

Теркин, Теркин, где ты, Теркин,
Где ты, милый наш герой?
Может, ходишь в гимнастерке
Иль вернулся ты домой?

Дай нам весточку, Василий
Свет Иваныч, дай ответ,
Тут солдаты попросили
Передать тебе привет,

Поклониться низко-низко,
По-русски, от души.
Далеко ты или близко,
Вася Теркин, напиши...

1946 г.

6

СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ В. А. СТЕЛЬМАХОВИЧ.
ВАСИЛИЮ ТЕРКИНУ

Вот война ушла в сторонку,
Все вернулись домой.
Где же ты, Василий Теркин,
Наш товарищ боевой?

На войне ты слыл бывалым,
Славным малым — хоть куда!
Был примером для солдата,
Был душой фронтовика.

Вот, бывало, после боя
Вдруг взгрустнется — виноват!
Скажешь ты мне: — что с тобою?
Брось печалиться, солдат.

< >

1949 г.

Своей шуткой, своим словом
Помогал солдату жить.
И с тобой нам, спору нету,
Было легче немцев бить.

А теперь? Война в сторонке,
Отгремели все бои,
И опять за стройку, Теркин,
Принялись фронтовики.

Дела много есть — по горло.
Не хватает только дня.
И скажу я, безусловно,
Не хватает и тебя.

7

ЛЕСОРУБ Д. П. РОТАЙ. ПОЭТУ ТВАРДОВСКОМУ

< >

Все труды достались потом,
Знаем мы цену венца.
Но, по-нашему, продолжить
Надо книгу про бойца.

Отгремели канонады,
Гул иной по всей стране.
Мало знают, сколько Теркин
Помогал нам на войне.

< >

В клуб колхозный загляните,

Книжки — полочка целый ряд,
И журналы, и газеты —
Все, что лучшее на свете, —
Только «Теркина» не взять.
Пишут очередь и строго,
Соблюдая время, ждут.

< >

Всюду слышишь: — Эх, красиво!
Чиста правда про бойца.
Только плохо — середина,
Нет начала и конца.

Автор просит поэта «придумать» еще «словечек двести», чтобы рассказать о нынешней жизни Теркина.

1949 г. Письмо прислано в переводе с украинского, сделанном Марией Палатко.

В. А. ЛИТАВРИН. ПИСЬМО К АВТОРУ
«ВАСИЛИЯ ТЕРКИНА»¹

< >
 Где ваш Теркин — близкий друг?
 Спросят вас однажды вдруг.
 Может, он сейчас в забое
 Выполняет норму втрое,
 Чем дают ему по плану?
 Может быть, подходит к стану
 И с веселой поговоркой,
 Всем известный Вася Теркин,
 В прошлом доблестный солдат,
 Он дает стальной прокат?
 Где ваш Теркин, где Василий,
 Вы найдете без усилий,
 Так как знаю, для поэта
 Малый труд — задача эта.
 < >

Что же делает ваш Теркин?
 Посещает ли вечорки?
 Иль женился уж давно?
 Всё пишете, всё равно.

Может, он, мечту лелея,
 Тихим утром средь аллея
 Внемлет песне соловья,
 Иль давным-давно судья?

Иль герой он наших дней,
 Иль играет он в хоккей?
 Может, стал он комбайнером
 Или властвует над хором,

Иль ведет он драмкружок?
 Где ты, наш родной дружок?

< >
 Был ваш Теркин на войне, —
 Дайте Теркина в труде.

1950 г. Чита

РЯДОВОЙ БОЙКОВ. А. ТВАРДОВСКОМУ

Автор упрекает поэта за то, что тот «забыл» своего героя, и высказывает различные предположения относительно его жизни после войны.

Иль, может, он давно поля
 Весной в своем колхозе пашет
 И, улыбаясь, у руля
 Рукой приветливо нам машет?

Иль, может, утром на завод
 В своей потертой гимнастерке
 Он твердой поступью идет,
 Известный всем Василий Теркин?

Иль, может, море бороздит,
 Или штурмует поднебесье?..

В заключение автор просит Твардовского «опять героя воскресить»,

Чтобы опять сквозь дым махорки,
 Лукаво шуря правый глаз,
 На нас глядел Василий Теркин
 И свой рассказывал рассказ.

1951 г.

«ВАСИЛИЙ ТЕРКИН»

Иллюстрации к главе «Два солдата»

Рисунки О. Г. Верейского (гушь, перо). Выполнены для газеты «Красноармейская правда», 1943.
Литературный музей, Москва

10

БОРОДАЧЕВ. ГДЕ ЖЕ ТЫ, ВАСИЛИЙ ТЕРКИН?

Я хочу, чтоб зазвучала
Снова песня про бойца,
У которой нет начала,
Пусть не будет и конца.

1951 г.

11

В. МИНЕРОВ. РОЗЫСК ТЕРКИНА
(САТИРА НА ТВАРДОВСКОГО):

Вася Теркин, где ж ты ныне?
Что молчишь ты, друг большой?
Иль погиб ты на чужбине,
Не успел дойти домой?

Иль вернулся нездоровым
И молчишь, как будто нет?
Иль живешь в полку стрелковом,
Но тебя забыл поэт?

< >

Ох, уж эти мне поэты:
Прошумит и замолчит,
Будто время у них нету.
А ведь время не стоит.

1951 г.

ПРОРАБ А. ВЕРЕСОВА. (ПИСЬМО А. Т. ТВАРДОВСКОМУ)

Я долго не хотела зря вас беспокоить,
 Но вы сказали: дайте срок.
 Мы ждали год, и год протек,
 Нам этот срок пришлось утратить,
 И снова день идет за днем.
 Мы ваших песен ждем и ждем.
 Не знаем мы, что за причина
 Молчанья вашего была,
 Что за печаль, что за кручина
 От нас надолго увела.
 Но ведь не может быть такого,
 Чтоб вам да не писать стихи,
 Так почему же ни крохи,
 Где там поэмы — ни полслова
 Вы не уделите для нас,
 Всё бережете про запас.
 И скупостью такой, понятно,
 Мы озадачены вдвойне:
 Мы — ваш «читатель вероятный»,
 Вы нам писали на войне.
 В дни тягостной глухой печали,
 В мороз в нетопленных домах,
 Забыв усталость, голод, страх,
 Мы вас всегда так жадно ждали,
 И песня ваша к сердцу шла
 Струей желанного тепла.
 < >
 ...Вы скажете, что по заказу
 Не пишут. А мы ждем давно,
 Мы ж понимаем, что не сразу,
 Но вам, вам многое дано,
 Вам так забросить нас грешно.
 Когда нас било и ломало,
 1951 г.

Когда так трудно было жить,
 Не ваша ль песня отыскала
 В нас лучшее, что, может быть,
 Сто лет не знал сам за собой.
 И вдруг теперь такой отбой
 И мы вам как чужие стали.
 Вы скажете: «Вы что пристали,
 Вам что, иль клином белый свет,
 Иль я за всех один поэт?»
 Положим, клином он не клином,
 Остался он каким и был —
 Широким и довольно длинным —
 Но ведь не всякий сердцу мил
 Певец...

< >
 Щелявая идет не ходко,
 Того гляди утонет лодка,
 Дай я в обратный путь пушусь,
 С конца к началу возвращусь.
 Всмотревшись, вижу у начала
 Сидит и жалобно поет,
 Обнявши столбик у причала,
 Конец-бродяга, видно тот,
 Который был мне неизвестен.
 Я, бросив весла, пристаю
 И заодно с концом пою:
 «Скучаем мы без ваших песен,
 Еще нам жизнь порой трудна,
 Нам песня ваша так нужна.
 Но смолкли вы, вам не поется.
 Неужто нам, всегда немым,
 Читателям, не отзовется
 Ваш голос откликом живым?»

«БЕЗ ПОДПИСИ. ПИСЬМО ТЕРКИНА ТВАРДОВСКОМУ»

Здравствуй, автор, друг мой чуткий,
 Александр Твардовский мой.
 Удели-ка мне минутку:
 Я — герой твой, Теркин твой.
 < >
 Был описан я воякой,
 Гармонист, шутник лихой.
 Ранен был не раз. Однако —
 «Я» солдат еще живой.
 Я живой еще, ты слышишь?
 Только лишь не на войне.
 Почему же ты не пишешь
 Книгу снова обо мне?

< >
 Что, коль демобилизован,
 Так забыт уж я навек?
 Что, коль нет сапог кирзовых,
 Так уж я не человек?
 < >
 Описал бы, как я с ротой
 Распроцался, и о том,
 Как я взялся за работу,
 Возвратившись, а потом
 Рассказал... Ну, словом, знаешь,
 Как свою, ты жизнь мою.
 И, конечно, понимаешь
 Всю обязанность свою.

«ВАСИЛИЙ ТЕРКИН»

Рисунок О. Г. Верейского
(тушь, перо), 1947—1948 гг.
Литературный музей, Москва

14

В. М. ПЕТРОВ. ОТ НЕЗНАКОМОГО СЕРЖАНТА ПЕТРОВА
А. Т. ТВАРДОВСКОМУ

Мой почерк скверен — это верно,
Но я солдат, прошу простить.
Вопрос мой к вам обыкновенный:
Зачем вы начали грустить?

Зачем вы с грустью написали
Послевоенные стихи?
Мотивы горечи, печали
Всегда, по-моему, плохи.

< >

Вы пляску помните лихую
В густой вседушащий мороз?
Картину мужества живую
Я свято в юном сердце нес.

Любил я, радовался с вами,
Смотрел на жизнь, как Теркин ваш,
Но вы печальными устами
Вдруг прокричали мне: «Шабаш!»

«Тружусь, и живу, и старею,
И жизнь до конца дорога,
Но с радостью прежней не смею
Смотреть на поля и луга,

Росу обивать молодую
На стезжке, заметной едва.
Куда ни взгляну, ни пойду я—
Жестокая память жива»³.

Горячее сердце солдата
Не может такое терпеть!
Стихи эти — вязкая вата,
А где же звучащая медь?

Автор ждет от Твардовского «о будничной службе строк»,

В которой бы пели солдаты,
Отлично мишени сразив,
В которой бы ствол автомата
Вдруг ожил, винтовку сменив.

Не «с радостью прежней не смею
Смотреть на поля и луга» —
Писали б звончей и смелее,
Как мы ненавидим врага!

< >

1953 г.

Обидеть я вас не желаю,
В поэзии вы мне — отец.
Я робко лишь напоминаю:
Не трогайте грустью сердец.

Не надо, совсем не грустите!
Мы верим вам — путь ваш суров,
Но все-таки время поймите!
Пока до свиданья,

Петров.

15

А. Е. МОРКОВКИН. А. ТВАРДОВСКОМУ

Свое послание автор начинает с уведомления о том, что пишет «по поручению коллектива», желающего узнать «судьбу солдата Теркина Василья».

Нам сказали: на канале
Васю Теркина узнали,
Там в то время награждали.
Говорили те, что были:
Васю тоже наградили.
На груди, где две медали,
Орден многие видали.

< >

Слышно было стороной:
Он посетил колхоз родной...

< >

Строил стены, крыл он крыши,
С рыбаками ел уху,

1953 г.

Раз из шахты как-то вышел,
За станком стоял в цеху.

Только что-то вы, Твардовский,
Потеряли Васи след.
Может быть, почил на лаврах,
Успокоился поэт?

Может быть, чернил не стало
Иль бумаги не достать?
Сообщите: срочной почтой
Можем вам всего прислать.

Может быть, редактор строгий
Не сдает тетрадь в печать?
Напишите — мы поможем
Вам упряма уломать.

16

АЛЕКСАНДР ФИДРОВСКИЙ. НЕНАПИСАННАЯ ГЛАВА
«ВАСИЛИЯ ТЕРКИНА»

Повесть памятной годовины —
Помнишь книгу про бойца,
Что Твардовский с середины
Начал, кончил без конца?

< >

Эх, забыто — не забыто,—
Времена теперь не те...

1955 г. Ленинград

Где ты, Теркин, крепко спитый,
Ладно скроенный, умытый,
Колким снегом под ракитой,
Пулей, миной, бомбой битый,
Но, однако, не убитый,
Но, однако, чисто бритый,—
Где ты, друг?

ГВАРДИИ КАПИТАНЫ МАХОВ И БАСТА.

ПИСЬМО ВОИНОВ А. ТВАРДОВСКОМУ (В ПОДРАЖАНИЕ ЕМУ ЖЕ)

<p>< > Разве мир души солдатской Уже стал или бедней? Он такой, как был под каской, Даже шире и сильнее.</p> <p>С просьбой к вам, поэт Твардовский, По-солдатски, напрямик Обращаемся по-свойски: Запишите в свой дневник</p>	<p>Про солдатские походы, Про учебу мирных дней, Про любовь нашу к народу, Про заветы матерей.</p> <p>< > Вы в строю, хоть не в шинели (Галстук начали носить), Но солдат-то неужели Трудно, скажем, навестить?</p> <p>< ></p>
--	---

Эти строки мы вписали,
 Чтобы вам напомнить в срок —
 Не оправдывайтесь сами —
 Вы у нас в долгу чуток.

1955 г.

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

1

В. А. КРЫЛОВ. СТИХИ ИЗ ФРОНТОВЫХ ДНЕВНИКОВ

В письме, к которому приложены были эти стихи, автор рассказывает о том, как они появились:

«В 1942 году стала печататься ваша поэма „Василий Теркин“. Она говорила каждому о боевых делах. „Ну непременно и точно о нашей части“, — так, пожалуй, говорили в любом полку Советской Армии.

Бои по прорыву немецкой обороны на Дону. Переправа. Когда я беседовал с бойцами (я был замполитом артдивизиона), они часто спрашивали: „А о наших боях тов. Твардовский еще не написал?“ „Может, Вася Теркин участвовал в этих боях?“ Или: „Есть стихи о Теркине?“ Мы рады были читать стихи о Теркине в каждом военном солдатском журнале. Но такие стихи появлялись все же редко, да и не каждый журнал доходил до нас. Вот тогда-то я и попробовал писать „под Твардовского“, чтонибудь похожее на „Теркина“. Нет, я нигде не говорил, что это ваши стихи (ибо написанные мною стихи, конечно, несовершенны, слабы), а просто, когда спрашивали солдаты, говорил: „Вот есть стихи, почитать?“ Читал. „Смотри-ка, в самом деле о нас написано. И как будто бы ничего, складно“.

В этих стихах много заимствовано от вашей поэмы. Да иначе и быть не могло. Писались стихи только для своих солдат и посвящены им. Но стихи как-то помогали вспомнить только что прошедшие бои. Люди в этих стихах — подлинные, бойцы и командиры 23 гвардейского арполка, поступки их подлинные, невыдуманные.

Бои прошли. Стихи, как и дневники, из-за работы были забыты. А вот сейчас вспомнились. И я переписал их. Примите эти стихи как знак благодарности за тот большой вклад, который вы сделали своей поэмой в борьбу против немецких фашистов».

Утро хмурое, седое,
 Чуть видна река во мгле.
 Три бойца, связистов трое
 Связь тянули на НП...
 Лед осенний очень звонок,
 Лед осенний очень тонок.
 Синий лед по всей реке.

Не найти ли переправу?
 Переправы нет нигде.
 Кто-то вымолвил тогда:
 — Вот бы Теркина сюда.
 Переправу бы зараз
 Он устроил бы для нас...
 Синий дым по речке вьется,

Тонкий лед трещит и гнется.
 Чья фигура по реке
 Мчится, словно на катке?
 — Эй, ребята! Это Теркин!
 Теркин Вася, право,
 Показал он переправу.
 — Где там Теркин?
 Это наш,
 Наш, ребята, капитан...
 Наш Мартынов, капитан...
 Связь готова.
 Тонкий провод
 Протянулся на НП.
 — Я — «Орел». «Орел» на месте.
 Как вы слышите меня?
 «Буря!» «Буря!» Дайте «двести»,
 Запишите данные огня.
 < >
 Снова вспомним переправу
 И осенний тонкий лед.
 Как в туман на берег правый
 Вышел стриженный народ...

И как будто бы в тумане
 Отдыхает после битв
 Берег левый. На кургане
 Холм могильный у ракит...

1943 г.

Залп прощальный. Мирно спи,
 Саша Куликов — майор,
 Друг, товарищ, командир...
 Что ж, пошли. Быть может, завтра
 Где-нибудь в степном просторе
 И о нас гудящим залпом
 Вспомнит дружеское горе.
 < >
 Любишь ты кавалериста,
 Скажешь — летчику почет.
 Но гордись артиллеристом:
 Он всех крепче припечат.
 Если танки вражки скопом
 Налетят на вас в степи,
 Нашим пушкам дай дорогу,
 Бог войны заговорит.
 И с закрытых, и с открытых
 Бьют в отсечку, бьют в упор
 Батарейцы-кановиры,
 Молодецкий разговор.
 Вот тогда-то уж в сторонку
 Отойди, пехота, прочь.
 Прочь, красавец с саблей тонкой,
 Ты не сможешь нам помочь,
 Дайте место бомбардиру,
 Дай снарядов пол-БК*.
 Ух, намнут же кановиры
 Танкам фрицевым бока!

2

ГВАРДИИ СТАРШИЙ СЕРЖАНТ КОНДРАТЬЕВ.
 ТРОФЕИ ТЕРКИНА*

Теркин так увлекся боем,
 Что не чуял своих ног,
 Всё бежал сугробным полем,
 Через речку прямо в лог.
 < >

А за речкой, у овина
 На высоком берегу,
 Он увидел, как машина
 Надрывалась в снегу.

А вокруг нее хлопочет,
 Забегая взад, вперед,
 Фриц: пешком идти не хочет,
 А машинка не берет.

«Что ж такое в самом деле? —
 Думал Теркин. — Вот конфуз:
 Если взять село сумели,
 Почему ж не взять и груз?»

Сочно выругавшись матом,
 Крепко губу закусил,
 Он, махая автоматом,
 Побежал что было сил.
 < >

Вот уже машина рядом,
 Слышно, как стучит мотор.
 Теркин думал: с этим гадом
 Будет краток разговор.

А уж дальше без заминки
 Теркин с криками: — Ура!
 Взвод за мной! — и из кабинки
 Руки поднял немчура.

1943 г.

* БК — боекомплект. — Ред.

3

ВИКТОР ЗАБЕЛЫШИНСКИЙ. ВАСИЛИЙ ТЕРКИН ДОМА

Уничтожен враг заклятый,
Отгремел последний бой,
Возвращаются солдаты
Из Германии домой.

< >
Тишина стоит в вагоне,
Ночь кругом. Солдаты спят.
Лишь играет на гармонии
Пожилкой на вид солдат.

Хорошо гармонь играет!
То зальется, то замрет,
То так жадобно вздыхает,—
Просто за душу берет.

1947 г.

Просыпаются солдаты,
А гармонь манит, зовет.
Ах, какой же вы, ребята,
Удивительный народ!

Не разбудит вас бомбежка,
Но разбудит вас гармонь,
И зовет, зовет гармошка,
Будто ночью на огонь.

В полинявшей гимнастерке,
Перебив солдатский сон,
Хорошо играет Теркин —
Это был, конечно, он.

4

КУРСАНТ В. УГРЮМОВ.

«ВОЗВРАЩЕНИЕ ТЕРКИНА НА РОДИНУ»⁶

Неудобно, даже стыдно
Продолжать чужой рассказ.
А придется все же, видно,
Коли начал. В добрый час.

< >

Я надеюсь, вы простите
Мне, собрату по перу.
Не простите? Как хотите.
А рассказ я напишу.

Стал он мне милее брата.
Раз решил писать — пиши.
Так уж учат нас, солдата:
Коли встал идти — иди.

< >

А идет он вдоль дороги,
Побыстрей домой спеша.
Поживей несите; ноги,
А то вырвется душа.

< >

После жизни той бессонной,
Лет пяток в пути подряд
По дорогам проведенной,
Что испытывал солдат?

< >

1948 г.

Каждый был из вас солдатом,
Каждый шел из вас с войны,
Каждый думал, чтоб с закатом
К милой хате подойти.

< >

Всё как было: дом, береза,
Сбоку стойка для коров,
Под окном степная роза,
Огород, заросший ров.

Возле роз моркови грядка...
Что волнуешься, герой?
Закури-ка для порядка,
Как на фронте после схватки
Крепкий русский бронебой.

Здесь ступенька на крыльечке,
Вот вторая, в три доски.
Взялся Теркин за колечко,
Постучался: — Отвори...

Заскрипел засов железный —
Спутник в жизни неизбежный
Деревенских всех дверей.
— Принимай-ка, мать, гостей!

5

ФЕДОР КУЗНЕЦОВ. ПРО НОВЫЙ ДОМ

В синем мареве махорки
 На родимой стороне
 Вспоминал Василий Теркин
 Неохотно о войне:
 — Точка! Скинь войну со счета.
 Дали фрицам прикурить.
 И прекрасно. Мне охота
 О другом поговорить.
 Думал я найти гулянку,
 На вечерке побывать,
 А сошел на полустанке —
 Глядь, деревни не видать.
 Ни деревни, ни гулянки.
 Захватило даже дух.
 Посмотрел вокруг — землянки,
 Да и те одна на двух.
 И хотел, ребята, фрица
 Я по-русски обложить,
 Только что ж тут даром злиться?
 Надо жить, а не тужить.

1949 г.

< >

Я и ты, и дед Перфилий,
 И Андришка, и Евсей —
 Мы поднять деревню в силе,
 Как была во всей красе.
 Нет, пожалуй, лучше! Что тут!
 Я по этой части спец...
 Ясно? Значит, за работу!

Ай да Теркин! Молодец!
 Ай да парень! Славно! Смело!
 Только кончили с войной,
 А уж ты включился в дело,
 А уж ты ведешь на бой.
 Бой хоть, правда, не кровавый,
 Бой с разрухой на селе —
 Трудный все ж... Не ради славы,
 Ради жизни на земле.

6

КУРСАНТ Ж. ЯГУПОВ. ТОВАРИЩУ ТВАРДОВСКОМУ
 ПО ПОВОДУ ТЕРКИНА И ОТ ТЕРКИНА *

Уж давно курсанты наши
 Предлагали написать
 Письмецо на имя ваше,
 Я ж никак не мог начать:
 Как-то духу не хватало,
 Как-то все боялся я,
 Да и слов, признаться, мало
 В лексиконе у меня.
 < >
 Что же мы вам только скажем?
 Чем начать и кончить как?
 Лучше Теркин сам расскажет,
 Он рассказывать мастак.
 — Я готовый вам ответить,
 Мой создатель, мой поэт.
 Разрешите лишь заметить:
 Где вы были столько лет?
 Что-то армию забыли,
 И обидно очень мне:
 Ведь когда-то мы служили
 Вместе с вами на войне,
 Вроде я любимцем, что ли,
 Был для вас. Теперь же — нет.
 И не нравится вам боле
 Васи Теркина портрет.
 Ну, портрет... Чёрт с ним,
 с портретом,
 Я не гордый, я простой,

1950 г.

Только есть, кроме портрета,
 И дела, и опыт мой.
 Я солдат, хотя не гордый,
 Но обидно мне, поэт,
 Значит Теркин, в битвах тертый,
 Вдруг в отставку? Шутить! Нет!
 < >

И поэтому простите,
 Что, у вас я не спросив,
 Стал курсантом. Как хотите —
 Мне советовал актив.
 Жить хотят со мной солдаты,
 Говорят мне, мол, уважь...
 Остаюся виноватым
 Перед вами, Теркин ваш.

От себя мне что добавить?
 Теркин высказал все вам.
 Только лишь могу прибавить:
 По душе Василий нам.
 На походе ль, на привале,
 В выходной ли день когда —
 Мы про Теркина читали
 С удовольствием всегда.
 Теркин — мастер на все руки,
 Балагур и весельчак.
 Если Теркин — нету скуки,
 Нету трудностей в науке,
 Теркин нужен нам вот так!

«ВАСИЛИЙ ТЕРКИН»

Заставка к главе «Два солдата»

Рисунок О. Г. Верейского (тушь, перо), 1947—1948 гг.

Литературный музей, Москва

7

ДМИТРИЙ МОРОЗОВ. ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ВАСИЛИЯ ТЕРКИНА
БЫВШИМ ОДНОПОЛЧАНАМ!

Хоть давно конец войне
И военной службе,
Заглянуть придется мне
К вам по старой дружбе.

В арсенал мой автомат
Сдан под смазкой жирной.
Я по форме — не солдат,
Перешел, как говорят,
К жизни новой, мирной.

< >

Демобилизован я
В первый срок Указа,
Дом отстроил, и своя
Завелась теперь семья
Или, скажем, база.

По душе, признаюсь, мне
Эта обстановка.
Миру мир! Война войне! —
Наша установка.

Мы за мир горой стоим,
Но... не все согласны
С этим мнением моим,
Абсолютно ясным.

Есть любители вертеть
В речи лисьи петли,
Тут никак не утерпеть,
Нужно, к слову бы, задеть
Мне премьера Эттли.

Говорит он, что войной
Наш Союз грозился,
Что у нас солдат домой
И не возвратился!

Значит, я — это не я?
Иль не в полной дозе?
Ну, а кто же за меня
Хлеб убрал в колхозе?

Коли врать — для смеха врать —
Это не обидно,
Но премьеру «загибать»
(Если хуже не сказать)
Как-то не солидно.

Далеко премьер махнул,
От старанья — в мыле.
Геббельс с завистью икнул
Глубоко в могиле.

< >

В свете много есть еще
Разной эт-гли, моли,
Только руют их расчет
Люди доброй воли.

< >

Слава мирному труду!
Нынче будьте зорки.
Пусть имеют все в виду:
Если что, так я приду!
Шлю привет!

В. Теркин

1951 г.

8

Г. НЕЧАЕВ. ПИСЬМО К ТВАРДОВСКОМУ

Как-то я в вагоне ехал,
Собралось нас в купе:
Друзья-слесари из цеха,
Техник, повар из кафе.

Между ними завязывается спор о том, где сейчас находится Теркин.

— Не поверю никогда я,—
Один спорил, горячась,—
Не убит он, нет, наградой
Награжден. Попал в санчасть.

А потом я слышал, будто
(Это после уж войны)
Водит он такое судно —
Поднимает корабли,

Что в морях в войну тонули.
Вот как дело.— Так-то так,
Моряки тебе загнули.
Кто сказал тебе, моряк?

< >

В день падения Берлина
Было жарко: грохот, бой,
От орудий всех калибров
Стон стоял над головой.

Нам задачу дали: быстро
Выбить немцев из метро.
На последний этот приступ
Капитан нас вел Петров.

Путь прошел он с нами длинный,
Командир нам был и брат.
Он от Волги до Берлина
Вел прославленных солдат.

— Ну, вперед, друзья, за Волгу,
Крикнул он,— и за Москву!..
И откуда немцы сбоку
Появились, не пойму.

То ль фанатики, то ль спьяну,
Иль поняв: конец пришел...
Пять молодчиков так рьяно
Лезли прямо на рожон.

Крышка быстро всей пятерке,
Лишь один свинцом полил,
И вот здесь Василий Теркин
Капитана заслонил.

< >

Здесь уж все, нас сколько было,
Загалдели: шум и крик.
Согласуясь, все решили:
Васька Теркин не погиб.

< >

Поглядев на всех солидно
И прищулив чуть-чуть глаз,—
— Говорить-то как не стыдно,—
Начал повар свой рассказ.

— Ваську Теркина убили...
Фу, какая ерунда!
Рано больно схоронили
Молодца. Вот это да!

Из рассказа повара явствует, что Теркин стал работником общественного питания и отличился на этом поприще: открыл, как „уменьшать съедобный вес“ продуктов при полном сохранении ими питательных свойств.

Лица сразу прояснились,
Каждый был за Васю рад.
— А не слышал, наградили?
— Вроде нет. Но наградят.
— Что-то спутали вы много,—
Вдруг промолвил техник с полки,—
Слушал вас я всю дорогу...
Ведь не там Василий Теркин.
< >

Техник чуть еще поднялся,
Закурил, сказал потом:
— Вася демобилизовался
В сорок пятом, иль шестом.

1952 г.

Точно я не помню это,
И не важно, суть не тут.
Только знаю: в конце лета
Поступил он в институт.
< >
А теперь товарищ Теркин —
Инженер наш боевой,
Он на Волжско-Донской стройке,
Как всегда, передовой.
< >

За окном мороз и вьюга,
Снег кружится в мутной мгле.
Здесь все спорят, друг у друга
Васю тянут всяк к себе.

9

А. ОГУДИН. ВАСЯ ТЕРКИН — НАШ СОЛДАТ

Автор рассказывает о солдате-артиллеристе, которого товарищи кличут Теркиным.

Почему такое правó
Получил Семен Петров?
Иль за ним героя слава?
Или в нем другая кровь?
< >

Был он ящичным сначала,
Стал наводчиком сейчас,
А ему все мало, мало...
Я о том начну рассказ,

Как вчера, во время «боя»,
В жаркой схватке огневой,
Показал себя героем
Этот парень боевой.

Командир из строя вышел,
А по взводной — дать огонь!
Пулемет «врага» у вишен —
На пути пехоты он.

Завучал приказ суровый,
Командиром наш Петров.
И расчет отважный снова
Бьет «врага» без лишних слов.

Недолет. Прицел надбавлен.
Дали вправо. Довернем...
Пулеметный дзот подавлен,
Не грозитя он огнем.

Только это маловато,
Теркин был во всем герой.
Что же нужно от солдата,
Чтобы был и он такой?

Мы вернулись в лагерь снова.
В гимнастерки вьелся пот.
А наводчика Петрова
И усталость не берет.

— Кто на речку — умываться?
— Я пойду! И я! И я!
— Не годится этак, братцы,
Вы идите без меня.

— А чего? — Забыли дело.
— Говори, какое, где?
— Раз орудие потело,
То почистить бы не грех.

И других солдат заело:
Значит, речка подождет!
Значит в парк, берись за дело!
И с Петровым весь расчет!

1952 г.

МИХ. РЕДЬКО. ТЕРКИН С НАМИ (РАССКАЗ СЕРЖАНТА)

Я, как видите, невзрачный:
Нос курносый, ростом мал.
Но сказать, что неудачный,—
Я такого б не сказал.

Если я за что вцепился,
У меня всегда успех;
Если я куда явился,
Сразу шутки, сразу смех.

Я порой хоть шумоватый,
Но характером хорош.
Говорят мне все солдаты,
Будто с Теркиным я схож.

— Что вы, что вы,— отвечаю,—
Это вы, друзья, того...
Это очень честь большая —
Быть похожим на него.

Я и ростом даже ниже,
Да и родом здешних мест...
А присмотришься поближе —
Что-то теркинское есть.

< >

Теркин, Теркин наш Василий!
Друг, товарищ, старший брат.
С ним в атаки мы ходили,
С ним один табак курили,
С ним последнее делили,
Как ведется у солдат.

1954 г.

Вот из этого-то факта,
Как его ни повернешь,
И выходит: чем-то, как-то
Я на Теркина похож.

< >

Коммунизм народ наш строит,
И везде, где жаркий труд,
Присмотреться только стоит —
Непременно Теркин тут.

Вот шагает экскаватор...
Агроном спасает рожь...
За станком стоит новатор...
Это кто? Да Теркин. Кто ж?

Вот со звездочкой Героя,
Что дают у нас за труд,
Вечерком проходят двое,
Ну, а третьего — несут.

Глянул я — и замер даже,—
Хоть не верь своим глазам:
Васина супруга Маша,
С ней под ручку Теркин сам!

< >

А на днях смотрю в журнале
Фотографий целый ряд.
Вдруг узнал! Да все б узнали!
До чего же точно сняли!
Держит речь в Кремлевском зале
Вася Теркин, депутат!

НИК. БОГДАНОВ. ВАСИЛИЙ ТЕРКИН У ТВАРДОВСКОГО В ГОСТЯХ

С Белорусского вокзала,
Взяв мешок дорожный свой,
По асфальту шагал он,
Легендарный наш герой.

< >

В той же самой гимнастерке,
Так же щурится хитро,
Всем знакомый Вася Теркин.
Взял он в справочном бюро
Адрес друга фронтового,
Литератора большого,
И направился в метро.

На метро ли, на такси ли
Ехал он — не в этом суть.
Вот у цели наш Василий,
Встал, чтоб чуть передохнуть.

< >

Двор лениво подметая,
Слышит дворник за спиной:
— Где Твардовский проживает,
Ты не знаешь, дорогой?

— Знаю, как же! Нынче дома.
Много пишет, занятой!
Он, простите, вам знакомый?
— Угадал, отец, знакомый.
Даже больше. Фронтовой.

— Ну, тогда другое дело!
Будет рад товарищ ваш.
Вон подъезд, шагайте смело,
Подымайтесь на этаж!

Сердце — будто птица в клетке,—
От волнения, говорят.
Вроде как идешь в разведку
Иль к начальству на доклад.

«ВАСИЛИЙ ТЕРКИН»

Заставка к главе «Бой в болоте»

Рисунок О. Г. Верейского (тушь, перо), 1947—1948 гг.

Литературный музей, Москва

Два звонка.— Твардовский дома?
— Да, я дома. Вы к кому?
Стойте! Голос ваш знакомый!
Кто же?.. Где же?.. Не пойму...

— Значит Теркина забыли
Вы-то, автор и поэт?
— Ба! Василий! Это ты ли?
Черти где тебя носили?
— Где носили — там уж нет.

— Ну, садись. С лимонной коркой
Водки дать? — Само собой.
— Сколько ж лет, дружище Теркин,
Мы не виделись с тобой?

Нынче в «Новый мир» не еду.
Никуда он не уйдет,
Отошлю в гараж «победу»,
И начнем-ка мы беседу
Хоть до утра напролет.

Прошлых дней не смолкнет слава...
Помнишь, Вася, гул атак?
Прагу, Кенигсберг, Варшаву,
И Моравскую Остраву,
И трофейный спирт-отраву,
И поверженный рейхстаг?

Вот читатели просили
И замучили совсем,
Знать желают: где Василий,
Как живет и занят чем?

Распахнув на окнах шторы,
Чтобы раму приоткрыть,
Закурил Василий Теркин,
Прежде чем заговорить:

— Я, конечно, не оратор,
Но скажу, чтоб знал народ:
Я теперь мелиоратор,
Осушитель, враг болот.

Знаешь, сколько там работы,
В Белоруссии твоей?
Осушаю я болота,
Очищаю их от пней.

Приезжай ко мне на Припять.
Я серьезно говорю.
У меня найдется выпить,
И ухи я наварю.

Коль охотник ты до рыбы,
Лодку, сеть тебе найдем.
Приезжай. С тобой могли бы
Порыбачить мы вдвоем.

Я женат. Уже детишки,
И, скажу тебе, горжусь:
Старший — Васька — знает книжку
«Вася Теркин» наизусть!

Теркин вечен, как Россия!
Позовешь, опять приду.
А пока в лесной глуши я
Трудовую жизнь веду.

1954 г.

< >
Ну, пойду. А то «Вечорка»
Растрезвонит влопыхах:
Вот, мол, был Василий Теркин
У Твардовского в гостях.
На, возьми моей махорки:
Ух, и крепкая, дерет!
Ну, прощай! И помни: Теркин
Не исчезнет, не умрет.

12

ГЕОРГИЙ СТАШКЕВИЧ. ТЕРКИН НА ЦЕЛИНЕ

Теркин выступает здесь в качестве директора целинного совхоза на Алтае.

Сам он всюду успеваает,
И на поле, и в хлеву.
Ничего не забывает
Ни во сне, ни наяву.
На помощников надейся,
Но и сам ты не плошай.
Со свиначками посмейся,
Трактористов навещай.
< >

Если кинопередвижка
Не приедет в должный день,
Если же девчатам книжки
Выдавать завклубу лень,
Если повар задержался —
Воду в срок не подвезли,
Комбайнер ли зазевался —
«Черти в омут занесли»...
Теркин все об этом знает,
И совсем ему не лень,

1955 г.

Он повсюду поспеваает,
Все обходит каждый день.
< >
Голова всему хозяйству,
Теркин — чудо-молодец.
Поругается с начальством
Из-за нескольких овец,
Сам ягнят отдаст соседу,
Чтоб породу разводил,
Сам в шикарную «победу»
Штук пятнадцать посадил
И отвез в совхоз соседний
(Приезжает так, как свой),
Чтобы был он не последний,
Как и наш — передовой.
< >
На ВСХВ приедет
Скоро Теркин — наш герой
Рассказать всем о победе
Над поднятой целиной.

13

ЛЕВ ЧЕРЕПАНОВ. ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ВАСИЛИЮ ТЕРКИНУ

Я читал тебя когда-то,
Полюбил, а после дней,
Когда сам служил солдатом,
Стал мне как-то ты родней.
< >
И у нас веселый, шумный,
Всею ротою любим,
Парень к шуткам остроумный
Жил под именем твоим.
Если все располагает
Для лирических минут,

1956 г.

Теркин верно угадает,
Что запеть. Начнет — поют.
< >
Прост в общенье, прям душой.
Жить с ним очень хорошо.
Срок пришел — в запас уволен.
(Как мне знать, на сколько лет?)
Подготовку кончил в школе,
Принят в университет.

МАЙОР А. В. КАПУСТКИН. ТЕРКИН ЕДЕТ НА ВОСТОК

Демобилизованный по решению правительства о сокращении Советских вооруженных сил, Теркин едет строить Братскую ГЭС и проездом останавливается в Москве.

Вешмешок движеньем локтя
За плечо закинув вмиг,
До трамвайной остановки
Запагал он напрямик.

Велика Москва-столица,
Парню нужно торопиться
Ей отдать земной поклон.
И обратно — в эшелон.

Не в метро, а на трамвае
Ехать к центру он желает,
Чтоб за малый срок успеть
Всю столицу осмотреть.

Мимо движутся машины
По четыре штуки в ряд.
Шелестят лишь только шины,
А сигналы не гудят.
— Ну и автодисциплина,—
Говорит шофер-солдат.

Вот и Кремль золотоглавый
Засверкал издалека,
Краснозвездный, величавый,
Не стареющий века.

1956 г. гор. Нестеров

< >

Велика Москва-столица,
Остановка коротка.
Парню нужно торопиться,
Путь-дорога далека.

Не теряя даром время,
Проявлял он интерес,
Ездил в метрополитене,
Был на выставке чудес.

И теперь, легко шагая,—
С остановки на вокзал,
Он порою шаг сбавляет,
Чтобы автор не отстал.

< >

Весть о Теркине мгновенно
Облетела весь вагон,
Все стремились непременно
Посмотреть: какой же он?

И героя узнавали...
Кто-то крикнул раз и два:
— Братцы, Теркин на Байкале!
Васе Теркину — ура!

А. СМЕТАНИН. ТЕРКИН — ГОСТЬ

По дороге пыль клубится,
Вихри вьют над головой.
Теркин в гости в роту мчится
На машине полковой.

А в полку, в стрелковой роте
Был с утра такой аврал,
Словно едет к ним в пехоту
Самый строгий генерал.

Минул срок с тех пор немалый
Как закончили войну,
Как пришел солдат бывалый
На родную сторону.

Изменился он? Не очень.
Каски нет. Шинель снята.
Нет ремня. Сказать короче —
Амуниция не та.

Седина пробила малость
На висках. Старее? Нет.
Сорок лет — какая старость.
Для мужчины — самый цвет.

Распахнулись вмиг ворота.
(Теркин едет в гарнизон!)
— Принимай гостей, пехота,—
Из машины крикнул он.

Вот он — Теркин. Мать честная!
Сколько лет и сколько зим
Он мечтал о встрече с нами,
Как и мы о встрече с ним.

Перед строем первой роты
Шел солдат — герой войны.
Видел гость: блеснуло что-то
На глазах у старшины.
< >

В груди тел, живой и тесной,
Вот уже который час
Необычный, интересный,
А по книгам нам известный
Теркин свой ведет рассказ.

< >
Как часы чинил он деду,
Бабке сало находил,
Где встречал солдат победу,
Чем Калинин наградил.

И про то, как на морозе
Грел затвора сталь в руках.
Как работает в колхозе.
Где б вы думали? — В Борках.

1957 г. Воинская часть 18938

16

ВИКТОР ЧЕЛЮК. ТЕРКИН В ПОЖАРНЫХ ВОЙСКАХ

После демобилизации из армии Теркин поступает в пожарники и вскоре становится офицером пожарных войск.

— На пожар я обозленный,—
Теркин дальше продолжал,—
Он мой дом, мой сад зеленый
Языком войны слизал.

Мы за все врагам сказали:
«Фриц, пожаром не балуй!..»
И в Берлине показали
Наших пушек сабантуй.
< >

Нам на днях приказ читали:
Был пожар. Горел завод.
В том приказе отмечали
Объектовый храбрый взвод.

На пожаре наш Василий
Взводом тем руководил.
Всё, чему его учили,
Он в борьбу с огнем вложил.

Сбит пожар водой был сразу,
Не успел спалить стропил...
Сам министр в своем приказе
Васю Теркина хвалил.

1960 г. г-р. Усть-Каменогорск

«ВАСИЛИЙ ТЕРКИН»

Концовка к главе «Теркин — Теркин»

Рисунок О. Г. Верейского (тушь, перо), 1947—1948 гг.

Литературный музей, Москва

17

СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ ЕВГЕНИЙ ЧУМАКОВ.
 ВАСИЛИЙ ТЕРКИН В ПВО

Кто в потертом переплете
 Книгу эту не читал,—
 Назови,
 В каком расчете,
 Где, когда его встречал?
 Назови того солдата,
 Пусть ему лишь двадцать лет,
 Чтоб о ней не помнил свято,
 Нет его?—
 Вот, то-то. Нет.

В грязь-распутницу с дождями,
 В стужу лютую она
 Зарождалась,
 Шла с боями,
 Шла, куда вела война...

В пыльной, потной гимнастерке
 Вдоль войны, не пряча грудь,
 Шел солдат
 Василий Теркин,
 Расчищая к жизни путь.

< >

Голод, холод, непогоду
 Знал
 И вряд ли позабыл,
 Из воды болотной в воду,
 Из огня в огонь спешил.

До границы той далекой
 Не считал ночей и дней —
 Торопился, чтобы к сроку
 «Гостя» вытолкать взащей.

Друг, солдат,
 Читатель зоркий,
 Нет у книги той конца —
 В мирной жизни
 Вася Теркин
 Заменял в строю отца.

< >

День и ночь
 Сырой осенний
 Воет ветер, точно зверь...
 Нет войны — идет «сражение»
 Без контузий и потерь.

Нет войны — воюет воин,
 Отражает он «налет»...
 Бьются, спорят меж собою
 И зенитчик и пилот...
 Спорят в схватке напряженной
 На земле и над землей,
 В обстановке, приближенной
 Максимально к боевой.

< >

В полутьме экраны светят —
 Небо щупает расчет.
 — Теркин, в оба!
 На планшете
 Скоростная цель идет...
 Всплеск. — Цель в зоне!
 Теркин лично
 К перекрестью цель ведет,
 Не какой-нибудь обычный —
 Реактивный самолет.
 Ревуны завывли разом,
 Охнул залл...
 За ним другой...

Донеслась команда:
 — Сто-ой!
 Встал по форме в струнку Теркин
 Результаты доложил.
 Лейтенант в ответ:
 — Пятерку
 Ставлю, Теркин. Заслужил...

День и ночь
 Сырой осенний
 Воет ветер, точно зверь...
 День и ночь идет «сраженье»
 Без контузий и потерь.

1959—1962 гг.

Главы из поэмы печатались (очевидно, по мере написания) в газете «На боевом посту».

18

Г. В. ХАЛКИН. О ТЕРКИНЕ

Автор стихотворения пишет, что Теркин везде, «он среди нас»:

Ты его узнаешь всюду,
 В каждом, кто в свой труд влюблен.
 За ухватку ценят люди,
 За смекалку его любят;
 Коль новатор — значит он.
 Сталевар стоит у домны —
 Это он,
 Ставит дом строитель скромный —

Это он,
 Космонавт к мирам далеким
 Мчит в ракете —
 Это он,
 Диссертацию, кто к сроку
 Пишет дни и ночи?
 Он.

Василий Теркин — рабочий кузнечного цеха завода:

Бьют электромолоты,
 Сыпят искры — золото,
 Плющат огненный металл,
 Чтоб он форму обретал.
 Чуть нажал педаль ногою,
 Молот вниз летит стрелюю
 И, как гусеницей танка,
 Слобно тесто мнет болванку.
 Чтобы не был ход впустую,
 Ты душой обязан чутя
 Жать педаль иль отпустить,
 Чтоб, коль бить, так с толком бить.
 Молот Теркину послушен.
 Лих кузнец! Ну чисто маг.

Молот, если Васе нужно,
 В миллиметр протянет шаг.
 Спор такой был:
 в перерыве
 Собрались и юн, и стар,
 Вася смаху, без отрыва,
 Грузным молотом красиво
 Свой откроет портсигар.
 Коли ход неточен будет
 И металл сомнет металл,
 Молот Васю, зная, не любит,
 Значит Теркин проиграл.
 Кузнецы ушли не сразу,
 Мастер сивый чуб чесал.

«ВАСИЛИЙ ТЕРКИН»

Концовка вступления к третьей части поэмы — «От автора»

Рисунок О. Г. Верейского (тушь, перо), 1947—1948 гг.

Литературный музей, Москва

Вася молотом три раза
Кряду кнопку нажимал.
Не царапнув портсигара,
Открывал его с удара.

< >

1962 г. гор. Караганда

Теркин жив. Простой, сердечный.
И могу вам доложить:
Род наш теркинский, род вечный,
Жил, живет и будет жить.

19

А. А. ЗАЕВСКИЙ. ТЕРКИН НА КОЛЫМЕ

Теркин показан здесь в положении человека, несправедливо репрессированного в период культа личности.

Только пусть товарищ автор
Не волнуется:

бойцу,

Где бы ни был, наша правда
Будет к стати и к лицу.
Он колен ни на минутку
Не сгибал перед судьбой.
Прибаутку с самокруткой
Про запас имел с собой...
Хорошо оно ли, плохо —
Тем-то Теркин и силен,
Что, пройдя сквозь всю эпоху,

Жив до нынешних времен
Силой верности святою,
Как солдат и гражданин.
И всегда везде спокоен,
Ибо Теркин — не один.

За окном метелица
Стелется, стелется.
Словно злюка злющая,
Взад-вперед снующая,
Носится неистовая,
На все лады высвистывая.

То, как зверь, уляжется,
 Прикорнет — и кажется,
 Больше не отважится
 Голову поднять.
 То, ветрами взбитая,
 Жгучая, сердитая,
 В дикой пляске вскружится,
 Вскружится, завьюжится
 И давай гулять —
 Над крутыми сопками,

Над глухими тропками.
 То идет на прииски
 В поиски да выиски,
 То над заключенными
 Завывает зонами.
 Колыма, Колыма!
 Чудная планета!
 Двенадцать месяцев зима...
 А когда же лето?

Теркина за то, что он неоднократно вступался за других заключенных, за их человеческое достоинство, сажают в карцер.

Хоть кандей, а вместе с тем
 Любопытен карцер.
 На цементе голых стен
 Сообщенья вкратце
 Нацарапаны гвоздем
 И стеклом, и мелом:
 Как фамилия, где дом
 И с каким кто делом.

Всяк свое, но от души,
 Точно на рейхстаге:
 Хоть историю пиши
 О последнем шаге.

«Настроенье у меня
 Бодрое. Сорокин!»
 «Братцы! Срок я разменял».
 «Наплевать на сроки!»
 «Маня! Ты там не влюбись...
 Жди. Иван Малюга».
 «Не такой вже страшный бис,
 Як його малюють!»
 «Неужели пропадем?»
 «Жизнь! Что есть чудесней?»
 «Будем живы — не помрем,
 А помрем, так с песней!»

Ходит Теркин вдоль стены,
 С радостью глаза,

Словно он среди старины
 Где-нибудь в музее.

Все бы ладно, да одно
 Худо, что в оконце
 Нет стекла — и холодно,
 Хоть и светит солнце.

На решетку воробей
 Мостится, горбатясь...
 Теркин шутит: — Не робей!
 Повоюем, братец!

Хлебных крошек натрусил:
 Голод, мол, не тетка.
 Воробей глаза скосил,
 На пол — прыг! — с решетки.

Чик-чирик! — сказал ему.
 — Ешь! — солдат доволен. —
 Ты попал на Колыму
 Сам ли, поневоле?

Или северных кровей,
 Уроженец местный?
 Отвечает воробей:
 — Повоюем вместе!
 Птаха — что? А всё, глядим,
 Хоть она и птичка,
 Теркин снова не один —
 Держит с кем-то смычку.

Близится освобождение.

Из-за сопки
 Через гребень
 Смотрит робко
 Солнце в небе —
 Северное, мутное,
 Десятиминутное...
 Если глянуть в календарь,
 То апрель.
 А окинуть оком даль,
 То метель...

Ой, зима, зима!
 Не сходи с ума!
 Видишь, что весна
 Встала ото сна
 И, вступив в права,
 Пути злобы рвет,
 И растут слова,
 И душа поет!
 Из-за сопки
 Через гребень,

МАТЬ

Все забрали — хлеб, муку и сало,
 Все углы обшарили в дому
 У старухи. Слова не скавала:
 Людям говорят, а тут — пому.

И молчит тенью одинокой
 Под своими окнами она,
 Велика война, сыны далеко,
 И народ в десах — крутом война.

В огороде вытоптаны гряды,
 Яблока оборваны с листвою,
 Все видела строгим, серым взглядом
 И следой кивала головой.

2-44

17

СТИХИ О ВОЙНЕ

Сборник военных стихотворений А. Т. Твардовского.
 М., «Сов. писатель», 1942

Обложка и страница со стихотворением «Мать»

Как из топки,
 Солнце в небе
 Жарит, парит вешнее,
 Вешнее, нездешнее...

Возвращаются из тьмы,
 Те, чей путь кремнистый...
 На большом кануне мы
 Мировых амнистий!

И вот узники колымских лагерей на свободе.

А солдат — всегда солдат.
 Зашагал со строем в лад.
 Хоть бывает и несладко,
 Ему горе — не беда.
 Правда-матка, как и скатка,
 Неразлучна с ним всегда...
 Все прошло. Как после боя,
 Дым улегся. Сникла пыль.
 Небо снова голубое —
 И не верится в былое,
 Что была такая быль.
 Теркин, Теркин, где сейчас ты?
 Я, вернувшийся домой,
 Вспоминаю часто-часто
 О тебе, соратник мой!
 Потому ты мне соратник,

Что и возрастом годок,
 И в трудах жестоких ратных,
 И в тюрьме, где нет понятных,
 Мы прошли единый срок...
 Служишь в армии ли снова?
 Сеешь хлеб? Кладешь мосты?
 Впрочем, это, если к слову,
 Все равно. К боям готовый,
 Ты везде правофланговый,
 Ибо ты — не только ты:
 Это — я, в тебе живущий,
 Это — он, с тобой растущий,
 Это — мы, простой народ,
 Ты — как воздух, в самой гуще
 Нашей правды всемогущей,
 Там, где дел невпроворот!

1964 г. гор. Кокчетав

С. ФИЛАТОВ. ПОЭТУ А. Т. ТВАРДОВСКОМУ

Теркин жив! Твардовский прав!
Рады мы, не скрою.
Хорошо, что дал состав
Трифоныч герою!..

И, конечно, не к лицу
Да и нам в утрату
Жизнь веселую к концу
Подвести солдату...

Мы в атаку — тут как тут
Теркин вместе с нами.
Залегли (снаряды рвут!) —
Теркин между нами...

Ранен. Что ж, лежу в палате,
Вспоминаю тяжкий бой.
Вижу: рядом на кровати
Теркин! Друг! Товарищ мой!

После госпиталя вскоре
На привале фронтовом
Слышу вдруг — солдаты спорят,
И опять же всё о нем...

Где герой живет сегодня?
Где сейчас он может быть?
Коль расстался с преисподней,
Значит вечно должен жить!..

И поскольку с лет военных
До последних самых дней
Теркин числится бесценно
За царицею полей,—

То неплохо бы сегодня
Путь ему держать такой:
Из крошечной преисподней
Прямо в поле к посевной...

Хорошо бы к нам, к землице,
В наш колхоз пришел герой.
Ведь у нас, как говорится,
Хочешь падай, хочешь стой.

Закупил колхоз машины...
Пашем, сеем, жнем... Ура!
И пошло; колеса, шины,—
Что там шины — трактора

Часто брошены, забыты...
Снег. Зима. Схватил мороз.
Хочешь, нет,— терпи убыток,
Для того и есть колхоз...

Фермы трогать ли — не знаю,
Разве только пару слов.
Наши фермы процветают
По наличию кормов.

Но обычно управление
План скота дает такой,
Что, приняв для исполненья,
Председатель сам не свой.

Пустишь план — кормов нехватка
И пойдет к весне падеж.
Ни дохода, ни порядка,
Что к чему — не разберешь.

А к весне в контору снова
Сверху звонят: как надой?
Почему у вас коровы
Встали как бы на простой?
Почему падеж? К ответу
Тех, кто смертность допустил!
И колхозника за это
Все ругают что есть сил.

Он же, участь проклиная,
Не останется в долгу:
С бригадира начиная,
Управлением кончая,
Даст на всю — ничуть не лгу...

Трудодень тому виною:
Больно легок он и сух,
Будто скинутый весною
От нужды курячий пух.

Оттого, быть может, братцы,
Из колхоза все бегут.
Нет, за это надо драться,
А иначе как же тут?!

Может плохо обратиться,
Если так из года в год
За рублем, как говорится,
Разъезжается народ...

Нужен здесь Василий Теркин.
Без него дела нейдут.
Будет он — тогда в уборке
Трактора не подведут.

Не поедет в город в янии
Из колхоза молодежь,
А скорей всего потянет
В поле сеять лен да рожь.

Кончив службу, за рублими
Не погонится солдат,
А в колхозе вместе с нами
Поработать будет рад...

Вот тогда-то урожай
Встанут плотною стеной.
Пусть тогда, забот не зная,
Отдыхает наш герой.

А теперь, когда тревога
Хлещет в сердце, как набат,—
Без твоей, герой, помощи,
Очень трудно. Так-то, брат!

Забирай свою винтовку
В виде вечного пера
И в колхоз, в командировку.
Время. Самая пора.

1964 г. п/о Оносово, Ростовского района Ярославской области

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Частично приведено в статье А. Твардовского «Как был написан „Василий Теркин“ (ответ читателям)». См.: А. Т в а р д о в с к и й. Статьи и заметки о литературе. Издание второе, дополненное М., «Сов. писатель», 1963, стр. 160—161.

² В сопроводительном письме В. Минеров писал: «Я не поэт, но пришлось потрудиться: призвать Твардовского к труду» (там же, стр. 158—159).

³ Из стихотворения А. Твардовского «Жестокая память» (Соч., т. 3, стр. 131).

⁴ В статье «Как был написан „Василий Теркин“» это произведение названо «одним из первых опытов» продолжения «Книги про бойца»; далее приведена выдержка из письма Кондратьева на имя редактора газеты «Красноармейская правда» (А. Т в а р д о в с к и й. Статьи и заметки о литературе, стр. 156, 157).

⁵ В статье «Как был написан „Василий Теркин“» приводится выдержка из письма В. Угрюмова, в которой изложен план задуманного им «продолжения» поэмы: «Солдат приходит с войны, но ему отдых (даже месяц отдыха после всех передыг) не по нутру. С первого дня он начинает работу. Встречается с замкомбатом и вместе начинают руководить, работать. От бригадира полевой бригады Теркин доходит до директора МТС. За доблестный труд представлен к высшей награде...» (там же, стр. 157).

⁶ В статье «Как был написан „Василий Теркин“» публикуемые нами отрывки из послания Ж. Ягунова приведены в сокращенном виде (там же, стр. 159—160).

⁷ В статье «Как был написан „Василий Теркин“» приведено несколько строф из «Открытого письма...» Д. Морозова, в том числе две строфы, не включенные в настоящую подборку (там же, стр. 166).